

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

ЧЕТВЕРГ, 14 ДЕКАБРЯ 1995 ГОДА

Приблизить золотой рассвет

Диалог ведут Дмитрий Маликов, композитор, поп-звезда, 25 лет, и Руслан Сагабалин, писатель, журналист, 45 лет

ДИАЛОГИ «МП»

Тема

- Как ты сказал: «Брак - это узаконенная ненависть»? Любопытно. Дай-ка запишу... Ты на своем опыте в этом убедился?

- Подожди, Дима, кто из нас берет интервью, ты или я?

- Какая разница? Ты ведь не собираешься спрашивать у меня, с кем я сплю (ни с кем, кроме жены), на какой машине езжу (на джипе), сколько зарабатываю (не так много, как бы хотелось) и как часто бываю на тусовках (старюсь реже)?

- Нет, эти вопросы я, пожалуй, уступаю «акулам пера».

- Замечательно. А то, знаешь, я от таких вопросов устал, я от них тупею. Давай просто поговорим. А лучше послушай мою новую песню. Я сейчас новый диск готовлю. Знаешь, как обычно готовят диски: два-три хита, остальное что придется, лишь бы пространство заполнить. Я же хочу, чтобы на моем были одни хиты. Трудно, но уж как получится... Понимаешь, хочу сделать что-то на соединении классики, фольклора и современной поп-музыки. Появляется иная глубина...

- Сказалось-таки консерваторское образование.

- Ну да, и красный диплом к тому же.

- Очень красный?

- До невозможности.

- У меня было два очень синих. Но, как оказалось, не в этом дело.

- Не в этом, конечно. К чему-то настоящему, к каким-то открытиям все равно приходишь позже. К тому, например, что слово «классика» создает дистанцию между нами и произведениями, которые в свое время писались не как классика, без учета вечности, а для своего времени и сиюминутного успеха. Может, даже по заказу. Наверное, и Моцарт писал музыку, не думая о том, что он создает шедевр. Или Чехов... Что же касается фольклора, то это ведь тоже поп-арт своего времени. И вот когда сливаешь вчерашнее с сегодняшним... Ты лучше послушай. Песня называется «Золотой рассвет», мы ее только что записали.

- Замечательно!.. Правда, здорово. Жаль, что не смогу передать это на бумаге. Разве что нотами. Красными. Кстати, давай договоримся: твой текст идет красным, а мой синим. Дима Маликов - красный, Руслан Сагабалин - синий.

- Не бойшься, что в типографии перепутают и сделают тебя... голубым? А если издание черно-белое?

- Тогда Дима Маликов - жирный, Руслан Сагабалин - бледный.

- Разве я жирный?

- И я не бледный. Но ты звезда, к тому же блуждающая. Мне нравится, что ты не останавливаешься на достигнутом. Импрессионист и то, что ведешь поиск на стыке жанров. Сейчас, когда все увлечены жанрами в чистом виде. Я сам люблю слияние жанров, оно содержательнее.

- В искусстве - наверное. А вот в жизни... Мешанина всевозможных жанров - и что же?..

- Увлекаешься политикой?

- Просто интересуюсь. В свободное время читаю газеты и смотрю телевизор. До книг руки не доходят, к сожалению. Хотя иногда перечитываю классику, того же Чехова, например. Хотя кажется, интересных книг сегодня не так много.

- Как и интересной музыки или интересного кино.

- Насчет музыки поспорил бы, но не буду. Итак, я - жирный, ты - бледный. Бледные начинают.

- Почему бледные?

- Кто из нас берет интервью? Ты писатель, ты и придумай тему.

- Хорошо, начну в таком случае издали. Когда мне было двадцать пять лет, как тебе сейчас...

...Были голод и разруха и ты мечтал о патефоне.

- Голода и разрухи не было, а был магнитофон образца семидесятого, с большими бобинами.

- А что, хороший магнитофон...

Все на продажу?

- И записывал и слушал с упоением я двадцать лет назад французских шансонье: Эдит Piaф, Шарля Азнавура, Сальваторе Адамо, Жака Бре-ля... Рок не очень любил, а из англоязычной песни воспринимал только «битлов»... А еще были книги и авторы нарасхват: Рэй Бредбери, Уильям Фолкнер, Ивлин Во, Пьер Буль, Абе Кобо, Грэм Грин... И латиноамериканский «магический реализм» - Маркес, Фюэнтес, Кортасар, Ферейра... И наши авторы - большей частью в «самиздате». Ныне изнасилованное «Собащее сердце», например, читали тогда в машинописи. И «Мастера и Маргариту», и некоторые романы Стругацких... А еще было кино. И какое кино! На закрытых, полужакрытых просмотрах, на фестивалях, а иногда в прокате мы по крупицам, по отрывкам, по кадрам собирали Феллини и Бергмана, Курасава и Антониони, Бертолуччи и Бунюэля, Кубрика, Фосса и Тарковского... Сегодня с просмотрами нет про-

блем, видов пруд пруди, а кино все больше «терминаторское».

Так вот, в те же годы появился фильм Анджее Вайды «Все на продажу». Герой ленты - кинорежиссер, и для него это не просто профессия, а суть его, образ жизни. Все, что происходит с ним в повседневности - и хорошее и дурное, - так или иначе перемещается в кадр, на ленту. Незаметно для себя он начинает жить как бы для целлулоида, постепенно перестает принадлежать себе, сам того не сознавая. Однажды Армен Джигарханян сказал мне: «Артист - не профессия, а болезнь». Не в том дело, хорошо это или плохо; просто человек, работающий на публику, живет принципиально иначе, как бы вывернувшись наизнанку, на всеобщее обозрение. Кто еще находится в такой ситуации? Политик?.. Политику легче, он играет, лжет и другим, и себе. Художник же ищет правду, тяжело, мучительно, продавая себя с потрохами, на последнем дыхании, и однажды наступает миг, когда теряется грань между его собственной, реальной и воображаемой жизнью. И появляется растерянность: где правда и где игра, и осталось ли там, в

душе, что-то, что принадлежит только тебе и не подлежит продаже.

Прошли годы, и сейчас, с трудом вспоминая сюжет той ленты, я рассуждаю уже не столько о ней, сколько о себе. Или о тебе...

Я — один

- М-м-да... Все на продажу?.. И музыка тоже? Наверное... Раньше я об этом всерьез не задумывался. В музыку был погружен с малых лет. Все-таки семья... И папа, и мама были для меня примером, хотя с мамой духовного родства всегда было больше. Если же говорить об общепризнанных авторитетах, то для меня это был прежде всего Ник Керши. И Владимир Высоцкий - по сегодняшнему. Он для меня - гениальная загадка, которую я никогда не разгадаю. По глубине, силе воздействия и энергетической мощности я не могу сравнить его ни с кем. Это для меня вершина недостижимая, но ориентирующая. Из музыкальных направлений предпочитал блюз, а из пианистов наиболее привлекал Петерсон. Я, собственно, начинал как пианист, но это занятие показалось скучным. С четырнадцати лет знал, что буду петь, но только в восемнадцать попробовал. Одобрили. Хотя сегодня я бы сам не одобрил себя семи-, пяти-, даже трехлетней давности. Вообще, во вчерашнем дне я себе меньше нравлюсь, чем в сегодняшнем.

Не открою Америки, если скажу, что творчество - это непрерывное совершенствование. Хуже всего - добившись успеха, топтаться на месте, боясь откатиться от того, что уже заработано и что сделало тебя популярным. Работа на публику - это на самом деле палка о двух концах. С одной стороны, ты должен ей нравиться - условие обязательное. То есть следует учитывать и вкусы публики, и степень подготовленности, и уровень восприятия. С другой стороны, в том же восприятии со временем вырабатываются различные клише, которым ты, хочешь того или нет, должен соответствовать. Иначе вмиг станешь для собственных поклонников чужим и непонятным.

Вот и выбирай: либо ты отказываешься от наработанных клише, занимаешься самосовершенствованием и идешь дальше, пусть даже ценой утраты популярности (и, соответственно, денег), либо остаешься на том же уровне и даешь публике то, что она от тебя ждет. На самом деле это серьезная проблема, особенно для наших исполнителей. Западные «звезды» живут несколько иначе. Выпустил пластинку, получил деньги и полгода-год можешь не выступать - занимайся собой, не выходя из студии. У нас же иметь свою студию - уже большая проблема. А штат, а костюмы, а реклама... Приходится выступать постоянно и непрерывно. По клубам, дискотекам...

Свобода зарабатывается несвободой - в этом парадокс популярности.

Все на продажу? Да. Но вопрос еще и в том - чего больше. Хотелось бы иметь возможность, время, силы действительно вывернуться наизнанку и выудить из себя то, что наиболее ценно. И пусть на продажу. Раз начал - иди до конца. Меня сегодня больше волнует проблема времени, свободы. Впрочем, не сильно жалуюсь. Слава Богу, есть друзья и близкие, на которых полностью можно опереться. Есть благодарная аудитория. Наш слушатель гораздо восприимчивее, чем западный, он и теплее, и гибче. Хотя и тут есть немало клише, которые сразу не уберешь. Люблю друзей, с которыми работаю. Жена помогает... И все же... Все же, когда задумываюсь о том, что я делаю - слушаю свой голос в наушниках, с закрытыми глазами, свой и будто бы не свой одновременно, - в такие вот минуты появляется ощущение, почти полная уверенность, что несмотря ни на что я - один. Один, вне своей музыки, своего голоса, своих друзей, поклонников, залов, студий, один, сам

по себе. Может, именно это интересно и грустно одновременно. Для меня, по крайней мере.

80 процентов — про любовь

- Сколько у тебя было женщин?.. Почему улыбаешься? «Акулий» вопрос? Ну хорошо, сколько раз ты любил? Два, три?.. И вообще, что для тебя значит любовь? Не из праздного любопытства спрашиваю. Для меня она всегда много значила. А любить я стал лет... с пяти. С пяти, с пяти. Тогда я впервые увидел обнаженную женщину. И не одну, а сразу сорок, пятьдесят, а может, все сто. В бане. Увидел и, помнится, ахнул. И замер. И испугался. И полюбил их всех. Тут же, не сходя с места. Вот какая была у меня первая любовь. Всю жизнь я пытался воссоздать ту сорокалетней давности сцену в бане подобно тому, как режиссер монтирует фильм по кусочкам отснятых в разное время лент. И когда все это склеил и просмотрел, поразился собственному открытию. Снова ахнул и снова застыл, как некогда пятилетним мальчиком. Я-то в свое время полюбил их, обнаженных, прекрасных, опасных, непредсказуемых и непостижимых существ, преданно и самозабвенно. А каждая из них, оказываясь, любила при этом саму себя, видя в соседке объект для сравнения, а во мне всего лишь зеркало. Они гляделись в меня, чтобы себя лучше увидеть. Открытие, конечно, не из приятных. Обидно. В общем, плюнул я, сел и стал писать. Все про то же. Про баню, про них, про себя, про зеркало...

Тебя не удивляет то обстоятельство, что процентов восемьдесят искусства посвящено теме любви, пятнадцать - смыслу жизни, который в конечном счете тоже сводится к любви, и только пять можно отнести к категории «разное»? Такое впечатление, что вот уже много веков человечество никак не может осознать, что оно двуполо, а осознав - поверить в это, а поверив - раз и навсегда успокоиться и заняться чем-нибудь другим, более полезным? И знаешь, отчего это происходит?.. Оттого, что мужчина и женщина никак не могут найти общий язык.

- Ты это серьезно?

- Вот когда в начале нашей беседы ты сказал «ни с кем, кроме жены», мне тоже захотелось спросить: «Ты это серьезно?» У тебя тысячи поклонниц, каждая готова тебе отдаться в любом месте и в любое время суток. Не боишься потерять их?

- Приятный факт, конечно, но в эйфорию от него я не впадаю. Во-первых, ценю себя. Во-вторых, слишком много - все равно что ничего. Нет, я спокоен. А ты, рассказывая историю про баню, не боишься потерять своих поклонниц?

- У меня уже был один гарем, хватит. Я, знаешь ли, старый большой человек.

- Ладно прибедняться. В глазах вон чертики пляшут. Не верю тебе. Устал - может быть. Но без любви прожить - это, знаешь ли. И не в том дело, достойна ли женщина твоих чувств, важно, чтобы они были, эти чувства. Без них жизнь пуста и однообразна. Без них ничего не создашь. Разве нет?.. А если серьезно, то мне кажется, что творчество в основе своей - это одна большая, космическая любовь, которая должна подпитываться любовью земной. И обновляться и воодушевляться каждый раз так, будто это впервые. Иначе не будет ни книг, ни фильмов, ни музыки, ни песен...

- М-м-да... Не будет ни золотого, ни красного, ни синего, ни бледного рассвета. Ты прав, Дима. И что мы тогда будем делать? Получать райское наслаждение от «Баунти» и жевать «Орбит» без сахара? Старое поколение выбирало «Байкал», новое выбирает «Пепси», а мы лучше послушаем «Золотой рассвет». Может, удастся его чуть-чуть приблизить, может, он когда-нибудь наступит. Прокрути еще раз, пожалуйста...

Фотоколлаж Арташеса БАБАЯНА.